

А.А.ОХОТИН

**Вовка
— брат
волшебника**

Детская фантастика

Александр ОХОТИН

Вовка – брат волшебника

«Accent Graphics communications»

2012

Охотин А.

Вовка – брат волшебника / А. Охотин — «Accent Graphics communications», 2012

«...Вовка сидел почти у самого края. Он пробрался туда по коньку крыши. На скат вставать было опасно, потому что ночью прошел дождь и крыша была скользкая. Вот он и уселся на краю конька. Отсюда хорошо был виден двор интерната, набережная Оки, пристань. А во дворе интерната творилось нечто. Вон Гоблин – бегают, машет руками, что-то кричит. Вовка не слушает – неинтересно. Ну что может кричать Геннадий Олегович? Всякие ругательства, угрозы? Вовка это уже слышал – каждый день слышит. Хотя... Вовка прислушался. Странно, это не ругательства. Гоблин умоляет его слезть с крыши? Нет, не требует, не просит даже, а именно умоляет. И испуганный он почему-то. Даже отсюда, с крыши четырехэтажного здания интерната видно, какой он испуганный...»

© Охотин А., 2012

© Accent Graphics
communications, 2012

Содержание

Часть 1	5
Глава 1. Падение	5
Глава 2. Подстава	8
Глава 3. Главный Хранитель	11
Глава 4. Кирилл	15
Глава 5. Гоблин распсиховался	17
Глава 6. Солнцеград	21
Глава 7. Гоблиненыш	27
Глава 8. Следователь	30
Глава 9. Брат.	33
Часть 2	37
Глава 1. Гиблое место	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Охотин

Вовка – брат волшебника

Часть 1

Вовка – брат волшебника

Глава 1. Падение

Вовка сидел почти у самого края. Он пробрался туда по коньку крыши. На скат вставать было опасно, потому что ночью прошел дождь, и крыша была скользкая. Вот он и уселся на краю конька. Отсюда хорошо был виден двор интерната, набережная Оки, пристань. А во дворе интерната творилось нечто. Вон Гоблин – бегаёт, машет руками, что-то кричит. Вовка не слушает – неинтересно. Ну что может кричать Геннадий Олегович? Всякие ругательства, угрозы? Вовка это уже слышал – каждый день слышит. Хотя... Вовка прислушался. Странно, это не ругательства. Гоблин умоляет его слезть с крыши? Нет, не требует, не просит даже, а именно умоляет. И испуганный он почему-то. Даже отсюда, с крыши четырехэтажного здания интерната видно, какой он испуганный.

Вовка стал с интересом наблюдать за происходящим во дворе. Внизу стояли и бегали с места на место учителя, директор, завуч. Собрались там и воспитанники интерната. Они собрались на линейку, на которой Вовка должен был «сознаться» в том, чего он не делал. Все кто был внизу, с ужасом смотрели наверх, на крышу, точнее на Вовку. Это было странно, было непонятно, – что их напугало?

Вспомнилась мама. Вовка всегда ее вспоминал, когда ему было трудно. А трудно было часто, из-за Гоблина. Бывает, нанесешь кому обиду – специально, нечаянно ли – а потом места себе не находишь, хочется все исправить, извиниться хотя бы, а... нельзя. Нельзя, потому что уехал тот человек так далеко, что и не найти. Вот и Вовка не мог теперь извиниться перед мамой за все нанесенные ей обиды. Ушла мама в такие края, из которых не возвращаются. Умерла она полгода назад – его, Вовкина, мама. Нет у него теперь никого. Остался он совсем один, а теперь еще и это... Он этого не делал. Он и не смог бы такого сделать – никогда. Гоблин наверняка это знал, но он Вовку ненавидел, потому и воспользовался случаем.

В чердачную дверь чем-то колотили – пытались выбить. Напрасно, с дверью они не справятся: дверь железная и без сварщика ее не откроют. Вовка надежно запер эту дверь ломом. Он просунул лом в крепкие, намертво приваренные замочные петли. В общем, есть время, чтобы побыть одному, подумать, подготовиться к тому, как вести себя дальше.

«Может сознаться? Все равно ведь не отстанут», – пришла вдруг мысль. Но эта мысль пришла только на миг. И правда, сознаться можно в том, что сделал, а так, это не сознаться, а наговорить на себя.

«Нет, нельзя этого делать, не дождутся, – это Вовка теперь твердо решил. – Так нельзя. Надо держаться, чего бы это ни стоило, какие бы кары за это ни последовали. Должна быть справедливость, нельзя иначе. Вот кто это сделал, тот пусть и сознается».

Несмотря на пасмурную погоду, вид с крыши открывался великолепный: вдоль набережной расположились аккуратные домики, около берега стояла на воде пристань, по Оке плыл белоснежный пароход, по набережной спешили по своим делам люди. И почему раньше Вовка не замечал всей этой красоты?

Почему он только теперь увидел, как прекрасен этот Мир? Разве сейчас до этого?

А внизу продолжалась суета. Директор тоже умолял Вовку, чтобы он слез с крыши.

«Интересно, чего это с ними? – подумал Вовка. – Что ли, это потому, что не могут до меня добраться? Ну и что? Что ли они думают, я вечно тут сидеть буду? Ну, огорченные были бы, это еще понятно, а так...»

Да уж, вид у Гоблина был не просто напуганный – Блинов был в панике. Он предстал перед всеми в таком вот «несолидном» виде. Таким его никто никогда еще не видел. Ведь он всегда выглядел степенным, уверенным в своей непререкаемой правоте. Что же это с ним? Почему он суматошно бежит по двору? Почему он так ни за что уговаривает Вовку слезть с крыши?

Неожиданно, во двор интерната въехали сразу три машины: милицейская, пожарная и скорая помощь. В дверь больше не колотили. Это и понятно. Зачем колотить, если ее все равно так не выбить? Тут сварщик нужен. Машины остановились и из них вышли люди. Пожарные стали поднимать лестницу. И тут Вовка все понял:

«Вот дураки! Что ли, они думают, что я с крыши прыгать собрался?! Что ли, я такой дурак, чтобы из-за всякого гада с крыши сигать? Во, дают! Вот почему они испугались, особенно Гоблин. Понятное дело, в тюрьму-то ему не хочется. Если чего случится, виноват-то он».

Если бы только Блинов был в панике, Вовка этому был бы рад. Там ему и надо. Но и Арсений Ильич, директор интерната, тоже не в лучшем виде. А директора вот жалко... Арсений Ильич очень хороший человек, добрый, справедливый. Только вот Блинову он слишком доверяет. Это потому, наверное, что директор не знает, каков его зам на самом деле.

«Ладно, надо спускаться вниз, – решил Вовка, – и стоять насмерть. Геннадий Олегович не дожидается, что я на себя наговаривать стану». Вовка поднялся с конька и, осторожно ступая, стал пробираться к чердачной двери. Пока шел по коньку, все было хорошо. Дойдя до флигеля, он осторожно ступил на скат крыши, и... ноги заскользили по мокрому железу...

Это произошло очень быстро. В ушах засвистел ветер, сквозь который прорвался многоголосый вскрик ужаса. Земля неумолимо понеслась навстречу. «Это конец», – промелькнуло в голове, и Вовка от страха закрыл глаза.

Не было удара, не было боли, не было теперь и падения. Главное, стало очень светло. И тепло. Свет Вовка почувствовал даже с закрытыми глазами. Он не понял, что случилось и почему он жив. «А, может, я уже совсем и не живой? Может, мне только кажется, что живой? – подумал он. – Хотя нет, ерунда. Если бы не был живой, то и казаться не могло бы...»

Он так и стоял, боясь открыть глаза. Да-да, именно стоял, а не лежал, распластавшись на земле.

– Ну что, так и будешь стоять с закрытыми глазами? – услышал он насмешливый мальчишеский голос.

Вовка открыл глаза и увидел перед собой незнакомого мальчишку. Они оба – и он, и мальчишка – стояли на огромном, залитом солнечным светом, лугу. На вид мальчишка Вовкиного возраста. Хотя нет, все-таки постарше. Светлые русые волосы; стрижка, как говорят, «под горшок»; голубые глаза. На мальчишке джинсы, футболка с непонятными рисунками. Он стоит и выжидающе смотрит на Вовку.

А вокруг лето: воздух, будто настоящий на ароматах трав и цветов; легкое дуновение ветерка; ярко светит солнце. Странно, ведь только что была весна, было пасмурно, прохладно. Что же происходит?

Вовка огляделся по сторонам. Позади он увидел здание, похожее на большой старинный замок. Замок заканчивался высокой башней с узкими окнами на самом верху, с конической крышей и с длинным шпилем на ней, устремленным ввысь. Вдали за замком – город с невысокими домами. В городе Вовка разглядел такие же высоченные, как в замке, башни. Хотя нет, в городе они были, пожалуй, повыше. Просто город был вдалеке, и они казались ниже, чем

на самом деле. Между некоторыми из башен были перекинута висящие над землей и домами мосты. Это придавало городу очень необычный, почти сказочный вид.

– Ну что, оглядел окрестности? – услышал Вовка голос мальчишки.

– Ты кто? – спросил Вовка.

– Дед Пыхто, не узнал, что ли? – ответил незнакомец.

– Чего не узнал? – Вовка все еще не мог прийти в себя после падения.

– Не чего, а кого. Деда Пыхто. Ну ты и ненормальный. Я тебя в спальне искал, потом в столовой. Вот не думал, что дурь тебя на крышу понесет. Я еле успел.

– Чего еле успел?

– Чего, чего... А ничего. Я еле успел перехватить тебя до того, как ты разбился там, в твоём Мире.

– Так то, что я здесь, это твоя работа?!

– Ага, ты догадливый. Моя.

– Как ты это сделал?

– Сделал и ладно, не заморачивайся. Хорошо еще, что я вовремя во двор вышел. До земли тебе лететь всего десять сантиметров оставалось. Ну ладно, пошли. Я отведу тебя к Учителю.

– К какому еще учителю?! К Гоблину?! Что ли думаешь, я буду позориться и признаваться в том, чего не делал?

– К какому еще Гоблину? Я говорю о моем Учителе, о Главном Хранителе Миров.

Глава 2. Подстава

Заместитель директора был человеком солидным, «правильным» и... тупым. Звали его Геннадий Олегович Блинов. Воспитанники придумали ему прозвище – Гоблин. Это не только из-за имени, отчества и фамилии. Просто они его, мягко говоря, не любили. Блинов никогда не сомневался в своей правоте. Он считал, что ученики должны безропотно исполнять все его приказания. Ну и что с того, что эти приказания бывают дурацкими, а глупость Блинова доходит, порой, до степени идиотизма? Неповиновения он не терпел.

Вовку Муравкина Блинов невзлюбил, как только тот появился в интернате. Это потому, что Вовка отказался быть «тайным агентом», а проще, доносчиком. Геннадий Олегович хотел, чтобы Муравкин доносил все, о чем говорят ребята, что они делают. Вовка отказался – наотрез. Вот тогда-то и начались придирки.

Гоблин всегда мог найти повод, чтобы придираться. Он старался всем показать, что Вовка чуть ли не преступник, что ему одна дорога, в тюрьму. Поводом для придирки могло послужить что угодно: не так взглянул, не так понял, не то ответил, не с той ноги встал. Да чего там перечислять? Ведь так часто бывает, что тот, кто главнее, всегда прав, а остальные – дураки. Есть такое слово в русском языке – «самодур». Так вот, это слово вполне к Блинову подходило.

А началась история, о которой я хочу вам рассказать, вот с чего. У Антонины Александровны, учительницы младших классов, пропала сумочка. В пропавшей сумочке были деньги, которые она копила на ремонт домика в деревне. Кроме тех денег там была только что полученная зарплата.

А на следующее после кражи утро было вот что. Вовка вышел в общий зал, что на первом этаже. Там к нему подбежала Нинка Голубева из пятого класса. Она сказала, что под матрасом Вовкиной кровати нашли украденную сумку.

– Какую сумку? Под каким матрасом? – опешил Вовка.

– Да брось прикидываться. Нашли сумку, которую ты украл у Антонины Александровны.

– Я?! Украл?! Да еще у Антонины Александровны?!

Это был шок. Вовка ни за что не мог бы украсть. Он бы и жить после этого не смог. Ему опять вспомнилась мама. Он вспомнил, как она не любила тех, кто может украсть или еще чем-нибудь принести человеку горе. Вовка таких людей вообще ненавидел, особенно после одного случая. Это давно было. Вовка тогда еще только в первом классе учился.

В общем, был день рождения его одноклассницы Вики Синичкиной. Ей давно обещали на день рождения медведя подарить. Нет, не настоящего конечно, а игрушечного, но огромного. Этот плюшевый мишка в Детском Мире на витрине стоял – между оконных стекол. Вика давно о таком друге мечтала. Да-да, не удивляйтесь, и игрушечный медведь может другом стать. А Вика каждый день, как только шла из школы мимо магазина, останавливалась около витрины и наглядеться не могла на мишку.

И вот настал счастливый день. Викина мама сказала, что они идут за подарком, за тем самым, за мишкой. Радости было, не описать. Вовка тоже с Викой и ее мамой в Детский Мир пошел. Ну, короче, выбрали они мишку, к кассе идут. Вика нарадоваться не может, просто сияет от счастья. Подходят к кассе, мама за кошелек в карман руку опускает... а там нет кошелька, дыра только в кармане. Вор-карманник карман порезал и кошелек со всеми деньгами вытащил.

Это было не просто горе, это была трагедия, причем в самый светлый праздник, в день рождения. Родители Вики полгода деньги на подарок откладывали, дорогая, все-таки, игрушка – и вот тебе, «сюрприз». Вовка видел лицо Вики, когда она своего мишку, которого уже полюбить успела, на место отнесла. Она долго там стояла... с мамой. У мамы тоже на глазах слезы были. Вовка того вора убить готов был бы, если бы его поймал. А Вика даже заболела после

этого. Она в школу долго не ходила, даже учиться хуже стала, потому что пропустила много уроков.

Вот почему Вовка ненавидел воров. Хотя не только за это и не только воров, а всех, кто зло людям делает. Вора того поймали, деньги вернули и медведя Вика все-таки получила, через неделю после того случая. Но день рождения все равно был безвозвратно испорчен.

Вовкина мама, когда об этом узнала, тоже расстроилась. Она сказала тогда:

– Жаль, Вова, что твоего папы нет. Он поймал бы вора в тот же день, он это умел.

Да, умел. Он и не таких ловил. Вовкин папа был следователем. Он расследовал разные преступления. Он никогда не отступал и доводил дело до конца. Ему часто пытались помешать, требовали закрыть дело, угрожали. Особенно трудно было, когда среди преступников попадались важные чиновники. Но отец был человеком чести и не прогибался. Вот поэтому его и убили...

Отца Вовка почти не помнил. Отец погиб семь лет назад. Вовке было тогда всего три года. В памяти остались только обрывки воспоминаний. Вовка помнил, как они втроем – он, мама и папа – ехали в машине, гуляли в лесу, ездили на дачу. Он вспомнил, как высоко казалось ему, когда папа поднимал его на руки. Вспомнил еще фотографии, на которых они были все вместе и которые куда-то пропали, когда умерла мама...

Воспоминания прервались криком Геннадия Олеговича, вошедшего в зал вместе с учителями и воспитателями:

– Вот он голубчик! Полюбуйтесь на этого негодяя! Ну, ворюга, где деньги?!

– Какие деньги?

– Те, что были в украденной тобой сумке, и не смей отпираться!

– Не крал я никаких сумок.

– Я велел не отпираться!

– Я и не отпираюсь, не от чего мне отпираться. Я эту сумку первый раз в жизни вижу.

– И у тебя еще хватает совести отпираться и говорить, что не ты украл деньги! Все видели, что эта сумка лежала у тебя под матрасом! Как она там оказалась, если ты, гаденыш, ее не крал?! Может я ее тебе под матрас положил?

Какая-то буря поднялась в душе. С Вовкой такого еще не было. Он и раньше не любил Гоблина. Хотя, кто из воспитанников его любил? Даже физрук Евгений Иванович недолюбливал Блинова. Но такой ненависти, как сейчас, Вовка никогда и ни к кому не испытывал. Он готов был вцепиться в Гоблина, рвать, царапать, кусать его зубами, как хищник.

– Может и ты!!! – закричал он. – Потому что ты гад и фашист!!!

На мгновение наступила мертвая тишина. Все просто обалдели от «такой дерзости». Только Антонина Александровна сказала очень тихо:

– Вова, я от тебя этого не ожидала. Разве я тебе сделала что-нибудь плохое? Я же всегда ко всем относилась по-доброму, и к тебе тоже. А ты так со мной поступил.

– Я не крал, Антонина Александровна, – сказал Вовка. – Я не вор и никогда им не стану, хоть кое-кому и хочется показать, что я вор.

– Вот видите, Антонина Александровна, к чему приводит ваш либерализм! – орал Блинов, а орал он так, что Вовка чуть не оглох от его крика. – Я сколько раз Вам говорил, уважаемая Антонина Александровна, что с этими мерзавцами нужно быть жестче!

– Ты сам мерзавец! – закричал Вовка.

Еще пять минут назад он не думал, что может так сказать Блинову или еще кому-то из взрослых, но теперь что-то словно перевернулось внутри, обида была невыносимой. Блинов ведь знал, что Вовка тут ни при чем. Знал, конечно знал, Вовка это чувствовал. Слезы душили его, он не смог удержаться и разревелся. Все затихли, услышав, как Вовка обозвал Блинова, все притихли, кроме Гоблина. А Блинов орал, брызгая слюнями, не стесняясь в выражениях. Он готов был убить Вовку, и, наверное, так бы и поступил, останься они один на один.

«Спустив пар», Блинов отдышался и сказал:

– Сегодня, Муравкин, за свой мерзкий поступок и за грубость по отношению ко мне, ты лишаешься завтрака, обеда и ужина! Но это еще не все! Когда все позавтракают, мы соберем линейку. Ты, стоя передо мной на коленях, извинишься за нанесенные оскорбления! И добровольно! Слышишь?! Добровольно признаешься в своем ужасном поступке! И в том, что деньги ты потратил на сигареты и пиво!

– Геннадий Олегович, – робко произнесла Антонина Александровна, – может, следует разобраться? Вдруг, это и правда – не он.

– Вы с ума сошли, Антонина Александровна! В чем тут разбираться?! Что тут неясного?!

– Я не буду признаваться в том, чего не делал! – закричал Вовка.

– Будешь, еще как будешь! – прорычал Гоблин. – Только не в том, чего ты, якобы, не делал, а в том, что ты совершил!

– Посмотрим!

Не было никакой линейки, потому что, когда закончился завтрак, и ребят собрали во дворе, Вовка сорвался с крыши.

Глава 3. Главный Хранитель

- Пошли, – сказал мальчишка, – Учитель ждет.
- Я не хочу никуда идти, – еле слышно ответил Вовка.
- Придется, хочешь ты, или нет, – и Вовка понял, что придется.

Мальчишка направился к башне, и Вовка поплелся за ним следом. Он не сразу заметил дверь внизу башни. Дверь, как дверь, ничего особенного, но когда подошли к ней, она открылась сама собой. За дверью оказалась железная винтовая лестница. Мальчишка стал подниматься по лестнице, а Вовка с обреченным видом пошел следом.

Комната, в которую пришли, сильно удивила. Она была похожа на жилище алхимика из кино про средние века. Старинная мебель. На массивных дубовых столах стоят колбы, реторты, какие-то механизмы. Там же, на столах, сложены пожелтевшие от времени свитки. На свитках – надписи, сделанные непонятными знаками. Но было там и кое-что современное – огромный жидкокристаллический экран во всю стену. Хотя, может быть, это и не экран вовсе.

Учитель сидел в старинном кресле. Он был похож на древнего алхимика, колдуна или волшебника. Казалось, ему невысказанно много лет, но он вовсе не выглядел дряхлым стариком. Нет, он был стар, но был крепок и полон сил.

Старец с минуту пристально глядел на Вовку, а потом сказал мальчишке:

– Благодарю тебя, Кирилл. А теперь оставь нас наедине. У нас с Владимиром будет долгий разговор.

– Хорошо, Учитель, – ответил мальчишка и направился к двери.

Проходя мимо Вовки, он сказал ему:

– Теперь держись. Достанется тебе от Учителя по полной программе.

Старик на это чуть заметно усмехнулся, помолчал, собираясь с мыслями, а потом обратился к Вовке:

– Итак, Вова, то, что ты натворил, – непростительно. Это преступление – преступление против Сил Света. Ты это понимаешь?

– Но я ничего такого не делал! Я не вор! Я той сумки раньше даже не видел!

– Я не про это. Я знаю, что ты не крал. Ты никогда не смог бы, да и не сможешь совершить столь подлый и позорный поступок. Но ты проявил малодушие. Ты отступил перед несправедливостью.

– Я не отступал... то есть я... я... собирался... – Вовка замолчал. Он не знал, что сказать в свое оправдание.

– Не отступал? Тогда что тебя понесло на крышу? Ты же знал, что ночью прошел дождь, что крыша скользкая. Кирилл искал тебя, чтобы помочь отстоять правду и наказать зло, а ты все испортил. Из-за своей глупости ты потерял жизнь.

– Но этот... ну... Кирилл, он же... Ну, я же не разбился.

– А если бы не Кирилл? Если бы он не успел? Что тогда? А насчет того, что не разбился... вот, посмотри.

Старик сделал движение рукой, будто начертав в воздухе невидимый знак. Огромный экран на стене – да, это, все-таки, был экран – включился, и на нем Вовка увидел свой интернат. Он увидел себя, сидящего на крыше. Он увидел учителей и воспитанников интерната, толпящихся во дворе. Все они с ужасом глядели наверх. Все были в панике – все кроме любимчика Гоблина по прозвищу «Гоблиненыш». Гоблиненыш стоял в сторонке и противно ухмылялся.

Вот через ворота во двор въехала милицейская машина, а за ней пожарная и скорая. Вот Вовка, то есть не он, а как будто другой, тот, что на крыше, встал и пошел по крыше к двери на чердак. Вот он поскользнулся и поехал по скату вниз, а вот уже падает... Под многоголовый возглас ужаса собравшихся во дворе людей он с оглушительным ударом падает на землю.

Потом он как-то странно вздрагивает и больше уже не двигается. Вокруг его головы начинает растекаться алая лужица.

Это был такой ужас, какого Вовка никогда раньше не испытывал. Это был шок. Как, оказывается, страшно видеть себя, мертвого, со стороны. Вовке стало так плохо, что, казалось, лучше и вправду умереть.

Вид на экране снова переместился во двор интерната. Там происходило нечто. Блинов, схватившись руками за голову, опускается на землю; директор, весь бледный, бежит с милиционерами и докторами к тому страшному месту; Антонина Александровна падает в обморок... Только Гоблиныш стоит в сторонке и противно ухмыляется.

– Ну что, самому жутко? – спросил старец, погасив экран и взглянув на Вовку.

– Да, – ответил Вовка чуть слышно. Ему и правда, было жутко. Даже не просто жутко, а совсем плохо. Казалось, что-то оборвалось у него внутри. Он еле стоял на ногах. Еще немного и он упал бы в обморок.

– Теперь ты понял, к чему приводят необдуманные поступки? – спросил старик.

– Понял... Но я же не нарочно, я же не хотел...

– Я понимаю, что не нарочно.

– Но если я разбился, то почему я здесь, почему живой? Так же не бывает.

– Бывает, но очень редко. Так редко, что и вправду можно сказать, что не бывает. В общем, скажи спасибо Кириллу. Это он тебя спас – еле успел. А ты знаешь, что ему это стоило? Ты знаешь, сколько энергии ему пришлось потратить, чтобы успеть это сделать?

– Не знаю...

– Ну так вот, Вова, столько энергии не выработает за целый год ни одна электростанция в вашем Мире. Ведь ему пришлось ловить тебя почти у самой Земли. Он сделал почти невозможное. А ведь потратил он свою собственную жизненную энергию. Теперь ему придется долго ее восполнять.

– Но зачем?! Что ли кто его просил?

– Никто не просил, но он не мог поступить иначе.

– Но как же, я не понимаю то, что там, и то, что здесь? Там мертвый, а тут живой?

– Ты этого сейчас не поймешь. Это слишком для тебя сложно. Зато, я надеюсь, ты увидел, к чему приводят необдуманные поступки. Этот урок ты запомнишь навсегда.

– У меня не было выхода. Мне пришлось запереться от них на крыше.

– Неправда. Выхода нет только у слабых, безвольных людей, а ты не такой. У людей, сильных духом, выход всегда есть.

– А какой у меня был выход? Сделать все как велел Гоблин... то есть Геннадий Олегович? Наговорить на себя при всех, да еще стоя на коленях?

– А что, разве не ты хозяин своему языку? Твоим языком управляет Блинов? Тебе нужно было лезть на крышу, чтобы не сказать то, чего не хотел? Нет, Вова. Твой язык подвластен только тебе. Он скажет только то, что велишь ему сказать ты, а не кто-то другой.

– Вот я и не собирался на себя наговаривать. Только Вы ведь не знаете Геннадия Олеговича. Он не отстанет.

– Я его знаю. Это очень непорядочный человек. Да, он на все способен. Но он не может заставить твой язык произносить то, что хочет услышать он. И еще запомни: такие люди, как ваш воспитатель, на самом деле слабы духом. Они могут только кичиться своей важностью, а на деле ничего из себя не представляют.

– Вы такое говорите о воспитателе?! – удивился Вовка.

– Я говорю о нем правду. И совсем не важно, что он воспитатель. Если человек негодяй, то никакая должность, никакой пост, как бы высок он ни был, не сделают такого человека порядочным.

– А зачем вы мне это говорите?

– А затем, чтобы ты это знал. Ты должен был отстоять правду, а ты, вместо этого, полез на крышу и сорвался оттуда. Теперь некому доказать, что ты не вор. Все продолжают думать, что деньги украл ты. Разве ты хочешь этого?

– Мне теперь все равно, ведь я уже мертв. Я видел, что разбился.

– Не говори ерунду. Как бы мы с тобой сейчас разговаривали, если бы ты был мертв? Ты разбился там, в твоём Мире. Только это уже был не ты, а то, что было тобой раньше. Заметь, не кто, а что. Считай, что там разбилась твоя оболочка, а не ты. Здесь совсем другой Мир, в других измерениях. Раз ты перенесен в этот Мир, значит, ты жив. Вот если бы Кирилл не успел... но он, к счастью, успел – в самый последний миг.

– И что же теперь будет?

– А вот этого я не знаю. Этого не знает никто. Все теперь зависит только от тебя.

– Но теперь же ничего с этим не поделаешь.

– Вот видишь, что ты натворил? Так бывает всегда, когда совершаются необдуманные поступки. А еще хуже, когда результат поступка непоправим. Сначала сделают, не подумав, а потом не знают, как исправить. Но тебе придется исправлять.

– А как исправлять-то?

– Я помогу тебе. На этот раз такое возможно. Да, на этот раз возможно невозможное. Тебе повезло, что Кирилл был в вашем Мире и спас тебя. Я верну время вашего Мира назад на столько, на сколько смогу. Все повторится с того момента, когда ты находился еще на крыше.

– А как вы это сделаете? Вы что, бог?

Я Главный Хранитель Миров – это все, что я могу тебе сказать. И я прошу тебя, будь осторожен. Это будет первая служба, которую ты мне сослужишь.

– Вам? А какая вам от этого польза?

– Большая польза. Я охраняю правильный порядок вещей. Я оберегаю Миры от разрушительных стихий. Одна из таких стихий вы, люди. Ваши необдуманные поступки, вольно или невольно совершаемое вами зло – все это ведет ваш Мир к гибели. Не разбившись, ты уменьшишь количество зла на вашей Земле, а противодействие злу, моя главная миссия.

Хранитель замолчал, о чем-то задумавшись, а потом продолжил:

– Это лишь первая служба, которую ты мне сослужишь. Потом ты должен будешь сполна наказать зло. Это ты должен был сделать раньше. Кирилл для того тебя и искал. Упав с крыши, ты чуть все не испортил.

– А какое еще-то зло?

– А ты не знаешь? Ладно, скажу. Ведь кто-то же украл деньги у твоей учительницы. А у нее двое маленьких детей. Их надо кормить, одевать, покупать игрушки. И это все на небольшую зарплату. Они во многом себе отказывали, чтобы накопить деньги на ремонт своего домика. Теперь у них все сорвалось. Разве это не зло?

– Да, это зло, – согласился Вовка. – Вы ведь не знаете, как мне жаль Антонину Александровну.

– Знаю, потому и разговариваю с тобой. Видишь ли, Вова, то, что так поступили с твоей учительницей, – это подлое преступление. Этому не может быть прощения. Но у этого преступления есть еще одна страшная сторона, которой не может быть прощения. Ты не догадываешься какая?

– Нет.

– Ладно, скажу и это. Дело в том, что кражу совершили не из-за денег.

– А из-за чего? – удивился Вовка.

– Это сделано, для того чтобы обвинить тебя в краже. Кое-кому хотелось показать, что ты вор. А кому этого хотелось ты и сам, наверное, догадываешься.

– Догадываюсь... Но ведь не Геннадий Олегович украл деньги?

– Нет, не он. Видишь ли, Вова, Блинова теперь посадят в тюрьму, не за кражу, а еще хуже. Его посадят за доведение до самоубийства. Все ведь думают, что ты нарочно прыгнул с крыши, из-за него. Но это не значит, что зло будет наказано сполна. Ведь тот, кто по его велению украл и подложил тебе сумку, останется ненаказанным.

– А разве деньги украли по приказу Блинова?! – удивился Вовка.

– Не по приказу, а по велению. Это разные вещи. Но кто украл, я не знаю. Тебе это и предстоит узнать. И не просто узнать, ты должен доказать это всем.

– У меня не получится.

– Должно получиться. Ты просто обязан теперь это доказать. Ну ладно, ступай к Кириллу. Ты будешь ночевать там, в одной с ним комнате. Тебе следует прийти в себя и хорошо выспаться перед тем, что тебе предстоит.

Глава 4. Кирилл

Комната Кирилла располагалась на верхнем этаже замка. Хранитель проводил Вовку до двери и ушел к себе. Когда Вовка вошел в комнату, Кирилл сидел за большим столом и что-то рисовал. На столе были раскиданы листы бумаги, карандаши, кисточки, краски. Кирилл обернулся. Только теперь Вовка хорошо разглядел его лицо. Что-то неуловимо знакомое было в его чертах. Ему стало казаться, что он давно знаком с Кириллом. Это было очень странно. Он прекрасно знал, что раньше с ним не встречался.

– Ну что, досталось от Учителя? – спросил Кирилл.

– Да уж, наговорил он мне – всякого. Что ли я виноват, что на меня Гоблин обозлился? Сам попробовал бы что-нибудь сделать на моем месте.

– Он-то? – Кирилл усмехнулся. – Знаешь, Вова, на твоём месте он мигом поставил бы все на правильные места. Ваш Гоблин посмел бы только пикнуть, тут же пожалел бы об этом.

– Вот бы он и поставил... на места.

– Нет, Вова, это не выход. Каждый должен уметь сам постоять за себя, за правду, за справедливость. Если за вас все будет делать какой-нибудь могущественный спаситель, вы перестанете быть людьми. Тогда ваш Мир погибнет, погибнет от вашего непротивления злу. Вы должны быть хозяевами своей Земли. Вы должны давать достойный отпор любому злу. И не важно, от кого это зло исходит. Те, кто несет зло, должны панически бояться порядочных людей. Только страх может обуздать тех, у кого нет совести. Ну, а ты теперь должен все сделать как надо.

– Что ли я знаю, как надо? Что ли подсказал бы кто...

– Этого никто не подскажет. Ты должен все решать сам. Мы можем тебе лишь помочь, но не можем все сделать за тебя. А ты, главное, никогда не смиряйся с несправедливостью.

– А что ли я смирялся?

– Пока нет, но до этого оставался один шаг.

– Не оставался... я бы никогда... То есть, я в конце уже решил не сдаваться. А что ты рисуешь?

– Я-то? Вот, посмотри.

Было заметно, как Кирилл обрадовался тому, что Вовка заинтересовался его рисунками. Рисунков было так много, что просмотреть все не было никакой возможности. Но и то, что Вовка увидел, поразило его. Пейзажи, выполненные акварелью, смотрелись как живые. Лица, фигуры людей на рисунках – все выглядело настоящим.

– Где ты так научился? – спросил Вовка.

– Не знаю, само получается, – ответил Кирилл. – Я просто думаю про то, что там, в вашем Мире; представляю себе тех людей, которые там живут; и все это рисую. В общем, вдохновение.

– А откуда ты знаешь про все что там?

– Я там бываю, иногда, только... только... – Кирилл ненадолго замолчал. Вовка заметил, что Кирилл как-то неожиданно погрузился.

– Понимаешь, Вова, я ведь там родился. Только я там почти не жил. Там я умер от простуды, когда мне было всего пять месяцев.

– Как?! Умер?! Так ты, что ли, не живой?! Значит, и я тоже?!

– Что ты такое говоришь? Как же я не живой, если мы с тобой разговариваем? Я живой и ты живой. Просто там считается, что нас нет. Ты-то вернешься туда, а мне нельзя.

– Почему нельзя?!

– Это трудно объяснить, потому что ты не поймешь этого. Просто таковы Великие Законы Мироздания. Понимаешь, я теперь вроде ангела-хранителя – твоего ангела-хранителя.

Поэтому ты и здесь. А ведь как я хотел бы жить там, с теми людьми... Я ведь всего на один год старше тебя...

Вовка молчал. Он понял, нет, не просто понял, а ощутил всей душой, как грустно Кириллу. Вовке тоже стало невыносимо грустно. Он о многом еще разговаривал с Кириллом, они играли в шашки, в шахматы, но грусть так и не покинула Вовку до самого вечера.

Был обед, был ужин. Оказалось, что в замке живут не только Хранитель и Кирилл. Там было множество студентов, учеников Хранителя. Вовка их в столовой увидел. Кирилл подходил к ним, о чем-то с ними разговаривал. Даже странно было. Было видно, что Кирилл пользуется тут большим уважением или, как говорят, авторитетом. А ведь все, кто присутствовал в столовой, были не просто старше Кирилла, они все были взрослыми.

Когда за окнами стемнело, Кирилл сказал Вовке, что пора спать:

– Когда ты выспишься, – сказал он, – Учитель вернет время вашего Мира назад. Когда ты снова окажешься на крыше, не повторяй ошибки. Ты помнишь, где поскользнулся, поэтому сможешь не допустить этого во второй раз. Я тебя подстрахую, но все равно будь осторожен, чтоб не пришлось все повторять с начала. Я буду рядом, но меня никто не будет видеть даже ты.

Вовка улегся на кровать, появившуюся неизвестно откуда рядом с кроватью Кирилла, и очень быстро уснул в тревожном расположении духа.

Глава 5. Гоблин распсиховался

Вовке показалось, что прошло уже много времени, но когда он открыл глаза, понял, что по-прежнему сидит на коньке крыши, у самого края. Пожарные только начали поднимать лестницу.

«Что ли, все привиделось? – подумал он. – Ну да, конечно. Так ведь не бывает, чтобы упасть с крыши и оказаться непонятно где».

Он встал и направился к чердачной двери. Прошел по коньку, осторожно ступил на скат, чтобы добраться до флигеля, до выхода на чердак, и ... ноги заскользили по крыше. В общем, в точности как в том сне или видении. Вовка испугался и упал на живот. К счастью, он успел ухватиться за конек. Обошлось, удержался. «Просто вещей сон какой-то», – подумал он.

Он осторожно, на четвереньках, добрался до двери, освободил ее от лома и открыл. Спустившись на четвертый этаж, он направился к выходу, а навстречу уже бежали директор и Гоблин. Ну и вид у них был. Они оба были растрепанные и мертвецки бледные.

Несмотря на испуг, Гоблин остался в своем духе:

– Ну что, щенок?! Духу не хватило прыгнуть?!

– Я не щенок? – ответил Вовка, – Я же вас не обзываю по-всякому, Геннадий Олегович.

Почему же вы меня обзываете?

Сказал он это очень спокойно, даже сам удивился. А Гоблин взревел:

– Ты как со мной разговариваешь!

– Как умею, Геннадий Олегович, по-русски. Я так со всеми разговариваю. И вообще, Геннадий Олегович, почему вы думаете, что я куда-то хотел прыгать? Что ли я совсем дурак? Я просто заперся на крыше, чтобы мне не мешали думать.

– Тебе?! Думать?! Тебе не положено думать! За тебя думать есть кому, а тебе думать нечем и не о чем.

– Как это нечем? Головой. И почему не положено? Что ли головой только есть положено? Думать никому не запрещено, вот я и думал.

– О чем ты, ворюга, мог думать?

– Я придумывал, как отстоять правду, доказать, что я не ворюга. А если из-за всякой ерунды бросаться с крыши, порядочных людей на Земле не останется, останутся одни гады.

Вовка теперь знал, что не прогнется, что будет отстаивать правду, как когда-то это делал отец. А Гоблин, услышав то, что сказал Вовка, замолк и так и стоял, выпучив глаза. Он, порой, соображал туго, вот и в этот раз Вовкин «глубокомысленный ответ» поставил его в тупик. Он, видимо, никак не мог понять, какие гады имелись в виду, о каких порядочных людях говорит Вовка. А директор все понял:

– Муравкин, что ты себе позволяешь?! Почему грубишь взрослым, тем более своим наставникам?!

– Арсений Ильич, что ли, я грубил кому? Я просто сказал, что было на самом деле. Я там заперся, чтобы мне не мешали думать. Вы же не хотите, чтобы я говорил не то, что думаю?

– Да, Муравкин, трудно с тобой разговаривать. Ладно, пошли в столовую. Позавтракаешь, а потом поговорим о том, что ты вытворяешь.

– Не-а, я не пойду в столовую.

– Это еще почему?

– Арсений Ильич, что ли, вы забыли? Я же лишен завтрака. Да, а еще обеда и ужина. Отменять распоряжение Геннадия Олеговича непедагогично. Вот на полдник, если не возражаете, я схожу. Ведь про полдник Геннадий Олегович сказать забыл.

Теперь в ступор впали оба, и Гоблин, и директор. А есть, почему-то, и правда не хотелось. Можно было подумать, что привидевшийся ему обед, да и ужин тоже, были настоящими. Вовка действительно был сыт, поэтому пойти в столовую отказался наотрез:

– Можете меня силой в столовую притащить, – сказал он, – но есть вы меня все равно не заставите. Ведь не будете же вы силой заталкивать мне в рот еду.

– Так это что же получается... – спросил директор, – голодовка?

– Нет, что вы, Арсений Ильич. Просто, я не хочу подрывать авторитет Геннадия Олеговича. Если он решил меня наказать, а вы это отмените, то я могу подумать, что Геннадий Олегович неправ. А так, получается, что он как будто бы прав.

– Что значит это, – «как будто бы»?! – заорал Гоблин, который уже отошел от устроенных Вовкой переживаний.

– А «как будто бы» и означает то, что означает. Что ли, вы, Геннадий Олегович, не знаете, что я никаких сумок не крал? Что ли, не знаете, что я не курю и не пью пиво? Знаете вы это.

– Я про тебя, сопляк, все знаю! И я знаю, что такие отморозки как ты, и пьют и курят! Так что нечего вводить Арсения Ильича в заблуждение. На что ты еще мог потратить все деньги?!

– Нет у меня денег, и не было. А если были, то когда я успел их потратить? Что ли, я куда ходил, где потратить можно? Вы же знаете, Геннадий Олегович.

– Не потратил, значит спрятал! А потратить собираешься позже! Причем именно на курево и пиво!

– Геннадий Олегович, – сказал Вовка, – я ведь знаю, что вы меня ненавидите. Но это ваше дело. Только вы ведь ничего не знаете про то, кто украл. Что ли вы видели, как я своровал сумку?

– Тогда как же она у тебя под матрасом оказалась? – спросил Арсений Ильич. – И потом, с чего ты взял, что Геннадий Олегович тебя ненавидит? С чего бы это ему?

– Есть с чего. С того, что я не захотел быть гадом и доносчиком.

– Ты думай, что говоришь, щенок! – взревел Блинов.

– Геннадий Олегович, успокойтесь, – осадил его директор. И выбирайте слова. Вы, все-таки педагог, а... впрочем, неважно.

– Извините, Арсений Ильич, погорячился, – ответил Гоблин. – Просто, меня возмутила наглость, с которой этот ворюга отпирается. Мало того, еще и наговаривает на меня всякое.

– Что ли, я наговариваю? – удивился Вовка. – Что ли это неправда? А вот вы на меня наговариваете. Сначала докажите, а потом говорите.

– Я?! Наговариваю?! – снова заорал Гоблин.

– Да, наговариваете, потому что ненавидите. Кстати, и я вас тоже ненавижу, и не только я. Вы это и сами знаете. Но мало ли кто кого ненавидит.

– Ах, вон как! Ты еще смеешь меня ненавидеть!

– Успокойтесь, Геннадий Олегович, – остановил его крик директор. – Вова, как ты можешь говорить такое? И кто что на тебя наговаривает?

– Арсений Ильич, я говорю то, что на самом деле. Если я кого-то ненавижу, то ничего не могу с этим поделать. Что ли, можно кого-то насильно заставить любить? Можно только притворяться, а я притворяться не буду, не хочу притворяться.

– Да уж, характерец у тебя... главное, что и возразить нечего. Вот только наговаривать напраслину непозволительно, даже если и не любишь кого-то.

– Ага, непозволительно. Только и Геннадию Олеговичу тоже непозволительно, а он наговаривает.

Гоблин снова взвился:

– Это ты мне еще будешь указывать, что мне позволительно, а что нет?!

– Геннадий Олегович, держите себя в руках, – остановил его крик Арсений Ильич. – Вам никто не указывает. Но дело зашло слишком далеко. Муравкин, Вова, разве на тебя кто-то

чего-то наговаривает? Я понимаю, если бы ты был прав, если бы тебя незаслуженно оговорили, но ведь кража денег это факт.

– Ага, факт. Только то, что я украл – не факт. И, что ли, это правда, что я курю и пью пиво? Что ли, это кто видел? А вот Гоблиныш... ой!.. то есть Колька и курит и пьет – это все знают. Интересно, где он деньги берет на отраву?

Вовка заметил, что Гоблин испугался, даже побледнел.

Арсений Ильич это тоже заметил.

– Вам что, плохо, Геннадий Олегович? – спросил он.

– Нет-нет, ничего. Я просто перенервничал из-за этого ублюдка. Сейчас пройдет.

– Геннадий Олегович, ну выбирайте, все-таки, слова. Идите лучше, успокойтесь. Потом подойдете ко мне в кабинет. Вова, идем, поговорим там. Я думаю, что в тебе, все-таки, проснется совесть. Ты должен понять, какое горе ты доставил Антонине Александровне. Пошли.

* * *

Когда пришли в кабинет, Арсений Ильич сел за стол и, усадив Вовку на стул напротив, начал «воспитательный процесс».

– Итак, Муравкин, Я хочу рассказать тебе об Антонине Александровне, которую ты так жестоко обидел.

– Я ее не обижал. Что ли думаете, мне ее не жалко?

– Не перебивай, Муравкин. Потом выскажешься, когда я закончу. Так вот, Антонина Александровна одна воспитывает двух маленьких дочек. Зарплата у нее, сам понимаешь, небольшая. Так вот им, из этой зарплаты пришлось целый год откладывать деньги, чтобы накопить на ремонт крыши и крыльца их домика. Ты знаешь, как это трудно? Им ведь приходилось во многом себе отказывать, чтоб накопить те деньги...

Вовка слушал и удивлялся. Ведь привидевшийся старец рассказывал то же самое. И на крыше Вовка поскользнулся, как в том видении. Что это? Может это не просто сон? Да и вообще, сон-то был, как наяву, и совсем не похож на сон.

– ...а ты у них отнял все, что они с таким трудом сумели скопить, – закончил Арсений Ильич.

– Арсений Ильич, мне очень жалко Антонину Александровну, но я ничего не могу сделать. Я не вор и денег у меня нет. Вы мне не верите, но ведь вы точно не знаете, кто украл.

– Вова, как ты не поймешь, что отпираться бесполезно. Все видели, что сумку нашли у тебя. А раз тебе жалко Антонину Александровну, давай поступим так: ты просто отдашь спрятанные деньги и будем считать, что ничего не было. Ну, оступился, теперь уже ничего с этим не поделаешь. Давай с сегодняшнего дня ты просто как бы начнешь новую жизнь, с чистого листа.

– Не выйдет, – ответил Вовка.

– Почему не выйдет?

– Я же уже говорил, что денег у меня нет... и не было. И начинать новую жизнь я не хочу, я и так живу честно, в отличие от некоторых. А сумку кто угодно мог подложить.

– Ну вот, снова «сказка про белого бычка». Понимаешь, Вова, я хочу все уладить миром.

– Я тоже не хочу ни с кем воевать, но придется. Я обещаю, что деньги вернет тот, кто их украл, если он их еще не потратил. Я узнаю, кто это сделал, я должен это узнать, обязан.

В это время дверь кабинета открылась, и вошел Гоблин. Он уже не был в «расстроенных чувствах» и выглядел как обычно.

– Ну как, Геннадий Олегович, немного успокоились? – спросил директор.

– Да вот, валерьянки искушал двадцать капель. Ну, скажу я вам, и гадость, но что делать, что делать... Ну что, продолжает отпираться?

– Продолжает. Продолжает утверждать, будто не он украл деньги, а кто-то другой, и он знает кто.

– Нет, – поправил Вовка, – что ли, я говорил, что знаю? Я сказал, что узнаю. А еще я узнаю, кто ему велел украсть деньги и подложить мне сумку, хотя я уже догадываюсь.

Вовка заметил, что при этих словах Блинов снова побледнел. Значит, не случайно Гоблин испугался, когда Вовка упомянул Гоблиненыша. «Неужели это Гоблиненыша работа? – подумал он. – И Учитель из сна говорил, что сумку украли по велению Блинова. Похоже, это правда».

– Ну, ты и наглец! – заорал Гоблин. – Мало того, что совершил гнусный поступок, так еще и на другого свалить хочешь!

– Что ли, я на кого чего сваливаю? Вот когда узнаю, тогда точно скажу, и докажу это. А вообще, надо было следователя вызвать. Он нашел бы на сумке отпечатки пальцев, а по ним узнал бы, кто вор.

– Слушай, ты, щенок! Что ты из себя возомнил?! – заорал Гоблин. – Чтобы из-за тебя, молокососа, кто-то еще и экспертизу делал! Не велика ли честь?!

– Не молокососа, а пивососа. Я же пиво пью. Вы ведь сами говорили, что я пью пиво и курю.

– Вова, – сказал Арсений Ильич, – я знаю, что, что ты никакой отравы не пьешь и не куришь. Просто Геннадий Олегович этого не знал, вот и подумал. Нечего из этого трагедию делать.

– Знал он все.

– Если бы знал, не сказал бы он этого. Геннадий Олегович не злодей, как вы все о нем думаете, – ответил Арсений Ильич. Потом, обращаясь к Блинову:

– Кстати, Геннадий Олегович, а ведь мы, формально, должны были заявить о краже в милицию.

Вовка заметил, что Гоблин снова испугался, и испугался не на шутку, хоть и старался не подавать вида. Наконец, Блинов сказал, пытаясь скрыть волнение:

– Арсений Ильич, зачем нам выносить сор из избы? И так все ясно. Пусть Муравкин признается и отдаст деньги. Дадим ему срок подумать, до завтра. А в наказание пусть пока сидит в спальне и никуда не выходит.

– Что ли и в туалет нельзя? – спросил Вовка.

– В туалет только в моем личном сопровождении.

– Ладно, как-нибудь и при «зрителе» схожу.

Глава 6. Солнцеград

Посидев немного в запертой спальне, Вовка заскучал. Прямо в одежде он плюхнулся на кровать и быстро заснул. Проснулся он, оттого что кто-то тряс его за плечо. Открыв глаза, он увидел... Кирилла. Вовка огляделся и увидел, что находится в замке, в комнате Кирилла.

– Ничего не понимаю! – сказал он. – Что ли, мне это все снится?

– Нет, конечно, – ответил Кирилл, – я снова переправил тебя сюда.

– Так, значит, все это мне не привиделось?! – Башня, город за ней, Хранитель.

– Все это было на самом деле. Я и не думал, что ты это за сон примешь. Надо же... А ты молодец. Так напугать Блинова возможностью разоблачения... Это у тебя здорово получилось. Разговаривал ты с ним, правда, грубовато, ни к чему это было.

– Да я и не думал грубить. Я просто говорил то, что на самом деле, а Гоблин психовать стал.

– Ладно, пускай психует. Все идет как надо. У тебя все получится.

– А что делать теперь? Гоблин и тот, кто украл деньги там, а я снова здесь.

– А, не торопись. Все равно тебе до вечера там сидеть. А так, мы можем куда-нибудь сходить погулять.

– А куда тут можно сходить?

– Да куда угодно. Можно на Великие Озера сгонять, это километров пять отсюда. Или, например, в лес какой-нибудь, или в город. Давай в город сходим, это ближе. У меня там друзья есть. Хочешь познакомиться?

– А что это за город?

– Он называется Солнцеград, это наша столица. Пошли, сам все увидишь.

– Ну, пошли...

И вот Вовка уже идет с Кириллом по залитой ярким солнечным светом неширокой улице. Улица вымощена камнем. По обе стороны стоят одно-, двух- и трехэтажные дома. За ними, второй линией стоят дома повыше. Дома разные, не похожие один на другой. И каменные, и деревянные. На стенах и карнизах красуются старинные лепные завитушки, на окнах резные наличники.

Они шли по улице, мимо этих домиков, мимо маленьких магазинчиков, парикмахерских. Попалась по пути даже библиотека. Вывески над магазинами были написаны в старинном стиле с буквами «Ъ» в конце некоторых слов. Вовке казалось, что он попал в прошлое. Да, он видел нечто подобное на картинках в какой-то книжке по истории. В общем, на столицу, как Вовка себе это представлял, город не очень-то был похож.

По улице шли немногочисленные прохожие. Некоторые ехали на велосипедах. Иногда по улице проносились старинные конные экипажи, кареты с пассажирами. Машин вообще не было. Вовка спросил:

– А тут что, даже машин нет?

– Здесь нет, – ответил Кирилл. – Есть только трамвай, но он ходит только по главной улице. Та улица называется улицей Возрождения. Она весь город соединяет. А машины в городах нашей Земли запрещены, есть только электромобили. За городом, пожалуйста, а в городах нельзя. Это, чтобы люди могли дышать чистым воздухом, а не выхлопами от машин.

– А что, люди тут особенные? Что ли, им все это мешает?

– Нет, они просто люди. Все люди имеют право на то, чтобы им ничто не мешало жить.

– А у нас не так. У нас наоборот. У нас все стараются делать так, чтобы другим было как можно хуже. По улице вообще ходить противно. От одних «курак», только, такой дым – не вздохнешь.

– Нет, Вова, не все у вас плохие. Просто вы еще не дошли до понимания очевидных истин. А «куряки»? Это слабые люди. Это люди, у которых нет своего «Я», нет силы воли. Многие из них в детстве попали под дурное влияние курящих сверстников или рекламы. Им тоже тяжело, потому что, вырастая, они понимают, что курение – зло, но понимают уже поздно. Это болезнь, которая называется наркоманией. От нее почти невозможно вылечиться. А так как у наркоманов, обычно, низкий интеллект, они не понимают, что доставляют кому-то неудобства, даже страдания. В общем, вы еще просто не дошли до понимания многих вещей.

– А когда-нибудь дойдем?

– Это зависит от вас, и от тебя в том числе.

– От меня?!

– Да, и от тебя. И первое, что ты должен сделать, – наказать зло, из-за которого ты оказался здесь. Это будет твоим вкладом, который сделает ваш Мир немного лучше.

Неожиданно, из-за поворота появились... двое конных полицейских. Они были в точности такими, как на картинках в той самой книжке по истории, которую читал Вовка. Увидев ребят, один из полицейских помахал им рукой и крикнул еще издали:

– Приветствую тебя, Кирюша! Давненько ты к нам не заходил! Мы уж думали, что ты нас забыл!

– Нет, что вы! – ответил Кирилл. – Просто у меня были дела в моем прежнем Мире!

– Понимаю, – сказал полицейский, поравнявшись с ребятами, – много же у тебя забот.

А кто это с тобой? Познакомь со своим новым другом.

– А он как раз из того Мира. Его Вова зовут. У него одна проблема появилась, а мы помогаем.

– Вы с Хранителем молодцы, не оставляете тот Мир в беде. Но мне все чаще кажется, что тот Мир обречен... жаль. А ты, Вова, оставался бы лучше здесь, с нами.

– Ему нельзя, дядя Герасим, – сказал Кирилл, – это нарушит правильный ход событий.

– Жаль. Ну что ж, раз такое дело.

– Ничего, дядя Герасим, как-нибудь мы победим зло и там.

– Хорошо бы... – сказал полицейский, как-то печально взглянув на Вовку. – Ну, ладно. Пока, Кирилл! Пока, Вова! Удачи вам. А нам надо идти. Надо проверить, все ли в порядке на улицах.

– До свидания, дядя Герасим, до свидания, дядя Аристарх. Да, дядя Аристарх, а Сенька дома?

– Нет, он с ребятами на Кузьмовку пошел купаться, – ответил второй полицейский.

Полицейские отправились дальше. Кирилл еще некоторое время смотрел им вслед, а потом сказал:

– Ладно, Вова, пошли на Кузьмовку. Искупаемся, я тебя со своими друзьями познакомлю.

– А что это за Кузьмовка?

– Речка там, в конце Луговой улицы протекает. Там пляж отличный.

– Пошли. А что это за имена такие у полицейских, старинные какие-то?

– Так они и сами старинные. Они в тысяча восемьсот двенадцатом году сюда попали. Они погибли на войне, но Учитель успел их сюда телепортировать.

– Ничего не понимаю. Ты же мне говорил, что здесь все живые, а получается, что они мертвые.

– Вов, какие же они мертвые? Мертвые в могилах лежат, а не ходят по улицам. Ты же не мертвый, даже там у вас... теперь. Я – другое дело. Хоть и не мертвый, но в вашем Мире даже моя могила есть... Я там был... на могиле... Знаешь, Вова, ты не сможешь себе представить, что чувствуешь, когда видишь собственную могилу.

– Теперь смогу. Мне твой учитель показывал, как я с крыши падал.

– Тогда ты меня поймешь. А дядя Аристарх – Сенькин пра-пра и еще, не знаю, сколько там раз пра, – дедушка.

– Но с тех пор столько времени прошло, а они даже не старые.

– Здесь много для тебя необычного. Придет время и у вас будет так же. Когда-нибудь, вы тоже научитесь жить вечно.

– Вечно?! Но тогда на Земле не хватит всем места.

– Места всем хватит. Если вы не погубите свой Мир, ваши ученые откроют тайны параллельных пространств. Места на Земле сколько угодно. Здесь ведь та же Земля, что и у вас, но в других пространственных измерениях. Да и другие планеты вы заселите. Хотя, не знаю, может и не будет в этом нужды. Мы другие планеты не заселили, хотя и есть у нас и звездолеты.

– Звездолеты?! – Вовка даже остановился от неожиданности. Надо же, машин нет, а звездолеты есть.

– Ну да. А чего такого? – говорит Кирилл. – Они уже могут летать к другим галактикам. Но нам пока и в нашей галактике хватает что изучать. Кстати, наши звездолеты и у вас иногда появляются, вы их называете НЛО.

– Ничего себе! Ну ладно, но тогда почему, если у вас все живут вечно, даже не старятся, почему же Хранитель – старик?

– Ему по статусу положено. Это типа имиджа. Ведь он один из самых могущественных магов. Он может выглядеть так, как захочет.

За разговорами Вовка не заметил, как они дошли до перекрестка.

– Вот и Луговая, – сказал Кирилл.

Улица Луговая оказалась одноэтажной. Там стояли обычные бревенчатые домики прямо как в деревне Кошелихе, где раньше Вовка каждое лето отдыхал с мамой. Разница лишь в том, что вдоль улицы пролегла мощеная камнем дорога, а не песчаная как в Кошелихе.

Между дорогой и домами была просто земля, поросшая травой с желтыми одуванчиками и белыми ромашками. Около домов, у заборчиков, стояли скамейки, просто врытые в землю бревнышки, с прибитой между ними доской. На скамейках и на завалинках домов сидели обычные на вид бабушки. Они о чем-то разговаривали. В общем, все как в Кошелихе.

Около домов резвились малыши; они копались в песке, катались на трехколесных велосипедах, просто бегали друг за другом. На улице было много зелени: деревья, кустарники, трава, много цветов. Во дворах росли плодовые деревья, на которых висели еще не созревшие яблоки и груши, вишни и сливы и еще какие-то плоды, которых Вовка никогда раньше не видел.

Все вокруг навевало чувство умиротворения и... тоски. Тоски, – потому что Вовке, вдруг, тоже захотелось жить на такой вот уютной, наполненной светом, радостью и добротой улочке, в каком-нибудь маленьком домике. И еще, чтобы в этом домике жила его мама, а еще папа... и Кирилл. При чем тут Кирилл, Вовка и сам не мог понять.

Вовка шел с Кириллом по дороге, спускавшейся под горку. Вот и конец улицы, а там, дальше, блестит на солнце неширокая речка с небольшим песчаным пляжем. На другом берегу речки стоит лес. Справа и слева от пляжа раскинулись необозримые луга с перелесками.

На пляже Вовка увидел компанию из трех мальчишек и двух девчонок. Они играли в волейбол. Играли как-то неумело, а может, просто никто никого не старался обыграть. Мяч чаще ударялся в сетку, натянутую между врытыми в песок столбами, чем перелетал через нее. Стоял веселый гвалт.

– Сейчас я тебя познакомлю с моими друзьями, – почему-то шепотом, сказал Кирилл, – только ни в коем случае не называй им свою фамилию. Ладно?

– А почему? – удивился Вовка.

– Так надо. И помни, что это очень важно, так что ни в коем случае. Скажешь, будет непоправимая беда. Потом, может быть, ты узнаешь, почему так было нужно.

– Ладно, договорились.

– Привет честной компании! – крикнул Кирилл. Все обернулись на его голос.

– Ребята, Кирилл пришел! – радостно закричала одна из девочек.

Вся ватага радостно побежала навстречу. Вовку и Кирилла обступили со всех сторон. Стали расспрашивать Кирилла, почему его так долго не было. А Кирилл ответил:

– Ребята, у меня было много дел, я потом все расскажу, а пока, познакомьтесь. Это мой новый друг, его зовут Вова.

Вовка довольно быстро перезнакомился со всей компанией. Сенька был самый старший. Ему еще полгода назад исполнилось двенадцать лет. Несмотря на это, было видно, что Кирилл пользуется в компании самым большим авторитетом.

Младшему, Шурику, девять лет, а его сестре Маришке – почти одиннадцать, как Кириллу. Они оба выделялись среди остальных темным, почти южным загаром. На фоне загара их темные, хотя и выгоревшие на солнце волосы и брови, казались неестественно светлыми. У обоих – карие глаза, оба шустрые и веселые, они постоянно смеялись над каждой шуткой десятилетнего Алешки Шаповалова, по прозвищу «Шаляпин».

Это прозвище Алешка получил, по-видимому, из-за фамилии. Потом, правда, Кирилл рассказал Вовке, что Алешка – солист городского детского хора. Так что, может быть, дело тут не только в фамилии.

Машка Клюквина, по сравнению с остальными, казалась очень тихой, даже трусихой. Казалось, что она боится даже громко разговаривать. Но это было обманчивое впечатление. Вовка узнал о Машке такое, что сразу ее зауважал. Оказывается, полгода назад она бросилась в горящий дом и спасла своего годовалого братика. Случилось это... в его, Вовкином Мире, недалеко от Москвы. Дома там специально поджигали люди, нанятые бандитами. Это делалось для того, чтобы освободить землю под строительство коттеджей, магазинов, гостиниц. Бандитов прикрывали люди, обладающие большой властью, вот почему, преступникам все сходило с рук... до поры, пока ими не занялась прокуратура.

После того пожара семью Клюквиных приняли здесь, в Солнцеграде. В нашем Мире жить им стало негде, да и опасно.

Дело в том, что отец Маши каким-то образом узнал, кто устраивал пожары, и его могли просто убить, чтобы не было свидетеля.

На пляже пробыли не больше часа. Искупались, поиграли в волейбол. Потом Маришка предложила сходить на выставку художников.

– Там вчера новые картины художника Арсенина выставили, – сказала она, – интересно посмотреть.

– Точно! Давайте сходим, – поддержал ее Сенька. – Говорят, там и сам Дмитрий Дмитриевич будет.

– Как это? – удивился Вовка. – Ведь он же давно умер.

Ребята посмотрели на него с удивлением, а Кирилл объяснил:

– Вова, это он у вас умер, но Учитель в последний миг успел его забрать оттуда, из вашего Мира. Теперь Дмитрий Дмитриевич живет здесь, на улице Возрождения.

– Вот это да, ... а, может, и моя мама здесь... и папа? – спросил Вовка с надеждой.

Кирилл тут же помрачнел. Он ответил не сразу, но ответил:

– Нет, Вова, здесь их нет... нигде нет... Когда погиб твой отец, мне всего четыре года было. А мама... я хотел перенести твою маму в наш Мир. Прости меня... у меня не получилось... я тогда не успел... опоздал... всего на сотую долю секунды опоздал... – Кирилл неожиданно отвернулся.

Все притихли, потому что понимали как Вовке сейчас тяжело. Вовка видел, что и Кирилл очень переживает из-за этого. Чтобы не затягивать возникшую паузу, Вовка сказал:

– Ладно, идемте на выставку?

– Я бы... я не хотел бы сейчас туда идти, – не оборачиваясь, каким-то странным, дрожащим, что ли, голосом возразил Кирилл.

– Почему? – удивилась Маришка.

– Не могу вам этого объяснить.

– Ну давай, сходим, – попросил Вовка. – Чего плохого, если мы посмотрим на картины?

Кирилл продолжал стоять ко всем спиной. Видимо, думал что ответить. Потом он повернулся лицом к ребятам. Вовка заметил, что вид у Кирилла какой-то странный: глаза как-то странно блестят, и лицо не просто грустное, а вообще стало таким, словно это не у Вовки, а у Кирилла горе какое-то случилось. В общем, Кирилл повернулся лицом к друзьям и к Вовке и сказал:

– Ладно, идемте. Только Вова пусть пообещает, что на мои картины будет смотреть только издали.

– А что, там и твои картины есть?! – удивился Вовка.

– Есть, только помни, что я тебе сказал. И не пытайся прочитать мою фамилию на табличках, даже издали не пытайся. Ребята, и вы ни в коем случае не произносите мою фамилию.

– Почему? – удивилась Маришка.

– Потому что иначе случится непоправимая беда. Вова, не обижайся, но так надо. Тебе ни в коем случае нельзя знать мою фамилию, а моим друзьям твою.

– Ладно, обещаю, что не буду читать. Только не понимаю, почему нельзя...

– Просто, так надо. Сейчас ты этого не поймешь. Может быть после...

Выставка располагалась во Дворце Искусств. Это величественное здание с колоннадой вокруг, выполненное в античном стиле, возвышалось над широкой площадью. Стены дворца украшал лепной орнамент. Около входа стояли две скульптуры атлантов, держащих на плечах каменный козырек над входом.

В залах оказалось немало посетителей, но шумно не было. Если кто-то и разговаривал, то очень тихо. Большинство посетителей просто тихо ходили по залам. Они останавливались около картин, подолгу их рассматривали. Картины были разные: пейзажи, портреты, натюрморты...

– Вон, смотрите – тихо сказала Маришка, – там картины Дмитрия Дмитриевича.

Она и Шурик подошли к стене, где висели картины Арсенина. Подошли и остальные. Вовка увидел на тех пейзажах знакомые места: лес, лесное озеро около деревни Кошелихи; а вот и его улица; утопающие в зелени аллеи парка.

Вовка смотрел на картины, как зачарованный. Он знал, что Дмитрий Дмитриевич жил в их городе. Он видел его картины и раньше. Он видел и самого Арсенина, когда тот приходил в школу на встречу с учениками. Это было давно, когда жива была его мама, когда жив был художник Арсенин. Но эти картины поразили Вовку. Они словно говорили, как Дмитрий Дмитриевич тоскует по родным местам, по местам, где он родился, жил... и умер...

– Здорово, Кирилл, – услышал Вовка знакомый из далекого прошлого голос. Все обернулись, Вовка тоже. Пред ними стоял художник Арсенин, только помолодевший. Он стоял и приветливо улыбался.

– Здравсте, дядя Дима, – ответил Кирилл.

– Что, понравились картины?

– Ага, здорово написано.

– А мне вот больше твои картины нравятся. Я тебе даже завидую. У тебя, Кирюха, великий талант. Твои картины нравятся всем. Здесь к кому ни подойди, только и говорят: «Картины Му...»

Вовка не понял, что произошло. Только что он с Кириллом и его друзьями был в выставочном зале, и вдруг оказался около замка. У того самого, в котором живут Главный Хранитель и Кирилл.

Вовка дико оглядывался по сторонам и довольно медленно приходил в себя после столь неожиданного перемещения.

– Извини, Вова, я вспомнил, что тебе пора возвращаться, – сказал Кирилл.

– Уже?

– Да, уже. Не забывай, что тебе надо быть в интернате, чтобы сделать следующий шаг. Кстати, это просто хохма. Знаешь, Гоблин сунулся в вашу спальню, а тебя там нет. Представляешь? – комната заперта, а тебя нет. Он сейчас к директору побежал докладывать.

– Ну вот, еще одна проблема.

– Никакая и не проблема. Ты снова появишься в запертой спальне. Кстати, Блинов ее не запер. Блинов туда прибежит с Арсением Ильичом, а спальня заперта, и ты там. Представь, что подумает Арсений Ильич. Он подумает, что Блинов сошел с ума. А тебе надо сделать удивленный вид и сказать, что ты все время находился в спальне. Вот умора будет! Ваш Гоблин к доктору побежит проверяться, к этому, что сумасшедших лечит. Все время забываю, как он называется...

– Что ли психиатр?

– Во! Точно! К психиатру.

Вовка проснулся. Он лежал на своей кровати точно в том же положении, в котором заснул.

Глава 7. Гоблины

Вовка проснулся в запертой на ключ спальне. Кто-то дергал дверь. За дверью слышались голоса:

– Черт знает что! – орал Гоблин. – Я же не запираю! Мало того, что этот моральный урод сбежал, так еще и с дверью какой-то недоумок балуется!

– Геннадий Олегович, может, вы ее сами заперли, машинально? – послышался в ответ голос директора. – Тем более, что другого ключа ни у кого нет.

– Я, что, из ума, выжил? – сокрушался Гоблин. – Я, как только побег обнаружил, сразу к Вам. Дверь не запер, а ключи в кабинете оставил.

– Но открывать-то все равно надо. Идемте за ключом.

Послышались удаляющиеся шаги. Минут через пять Гоблин и директор вернулись. Вовка притворился, что спит. Когда Гоблин открыл дверь и увидел Вовку, он чуть не лишился дара речи. Директор, судя по всему, тоже. Вовка сделал вид, что только что проснулся. Он потянулся, сел, спустил ноги на пол и посмотрел на Гоблина и директора «заспанными» глазами. Гоблин стоял, открывал рот, издавая нечленораздельные звуки, а потом внезапно заорал:

– Ты где был, сволочь?! Я тебя по всему корпусу искал, все закутки обшарил! Ты что себе позволяешь, подонок?! Молча-а-ать!

Вовка продолжал спокойно сидеть на кровати.

– Отвечай, негодяй, когда тебя спрашивают! – орал Гоблин.

– Но Геннадий Олегович, вы же сами сказали, – «молчать». Вот я и молчал.

– Хватит придурком прикидываться! Где ты был?!

– Ничего себе! Здесь был. Где же еще? Вы же сами меня заперли. Что ли забыли?

– Молча-а-ать! Я видел, что тебя здесь только что не было!

– Интересно, где же я был?

– Вот это ты нам сейчас и расскажешь!

– Извините, Геннадий Олегович, но я не знаю, чего мне рассказывать. Я из-за Вас почти весь день тут просидел, а еще чего-то сочинять надо.

– Убью-у-у! – заорал Гоблин и, сжав кулаки, бросился к Вовке.

Вовке показалось, что в комнате мелькнул знакомый силуэт и лицо Кирилла. Это, может, и показалось, а вот как Гоблин споткнулся обо что-то невидимое и проехал по полу до самого окна, – это уж, точно, не показалось. Потерявший, наконец, терпение директор заорал на Гоблина:

– Прекрати-и-ить! Поднимайтесь с пола, Геннадий Олегович! И уходите! И чтоб я Вас сегодня больше не видел! Идите домой! Успокойте нервы! Сходите к доктору, наконец!

– Извините Арсений Ильич, не сдержался. Сами бы с этим мерзавцем почаще общались, тоже не выдержали бы.

– Насчет мерзавцев вы не очень бы... Вова Вам ничего такого не сказал, чтобы вести себя подобным образом.

– Извините. Ну, я пойду?

– Идите, уж! И оставьте мне ключ! Да, к доктору все-таки сходите, советую. Вам надо нервишки подлечить.

Гоблин ушел, что-то ворча себе под нос. А Арсений Ильич присел на кровать рядом с Вовкой.

– Ну что, доволен? Довел человека?

– Что ли, я его доводил? Он сам себя довел. Вы же видите что у него «глюки». Что ли, я сумел бы выйти из запертой спальни, а потом вернуться?

– Да, что-то с ним творится... Но, все равно, твоя вина в этом тоже есть. Знаешь, как он перенервничал, когда ты хотел прыгать с крыши?

– Не собирался я ни с какой крыши прыгать. Я же вам говорил, зачем там заперся. И еще, я теперь точно знаю, что с той сумкой он подстроил. Это он специально, потому что он меня ненавидит.

– Ну вот, опять. Выходит, не ты украд деньги, а он?

– Нет не он. Но и не я. Кто-то другой, но по его указке. Я догадываюсь, кто, я докажу это.

– Ну, вот что, давай сделаем так. Скоро будет полдник. Ты, я думаю, не откажешься от полдника. Ты сам это сказал утром. А потом просто отдашь Антонине Александровне украденные деньги и извинишься перед ней. Сделаешь это сам, без свидетелей, и мы все забудем, как будто ничего и не было.

– На полдник я пойду... если можно. А вот с деньгами труднее, нет их у меня. Но если найду у кого они, обязательно вам скажу. А вам лучше бы вызвать милицию, чтобы милиционеры все расследовали.

Ночью Вовка долго не мог заснуть. Уснуть удалось только под утро, но вскоре он проснулся от какого-то шороха. Он хотел было сесть и оглядеться, но все вспомнил. Он лишь чуть-чуть приподнял веки, притворяясь спящим. В спальне в лунном свете вырисовывался силуэт гоблиновского любимчика Кольки. Гоблиныш что-то держал в руке и, крадучись, приближался к Вовкиной кровати. Приглядевшись, сквозь чуть приоткрытые щелочки век, Вовка чуть не вскрикнул от неожиданности. В руке Колян держал вложенную в полиэтиленовый пакет пачку денег.

Колян, подойдя к кровати, осторожно приподнял край матраса и запихал туда «компромат». Потом он, крадучись, вышел из спальни. Вовка вскочил с постели и заглянул под матрас – там лежал пакет с деньгами. В пакете еще лежала какая-то бумажка. Приглядевшись, он прочитал: «на рубероид для крыши».

Вовка подбежал к двери, но, в последний момент, раздумал ее открывать, потому что услышал за дверью шепот. Вовка прильнул к замочной скважине. Там были двое: Гоблин и Гоблиныш. Колян шепотом докладывал Блинову, что дело сделано, что деньги на месте.

– Молодец, Коля, – шепотом сказал Гоблин. – Ты сколько себе оставил?

– Половину. – Их там все равно больше двадцати тысяч было.

– Зря, надо было Муравкину подложить побольше. Могут не поверить, что этот ублюдок столько потратил. Ну ладно, иди спать. Только с теми деньгами не светись, лучше спрячь их пока...

Гоблиныш ушел, а Гоблин постоял немного и пошел к своему кабинету.

Вовка не знал, что теперь делать. Может взять этот пакет и подложить Гоблинышу в тумбочку, а потом сказать Арсению Ильичу? Ведь это будет справедливо, потому что настоящий вор – Гоблиныш. Но как это сделать, чтобы не заметили? Это почти невозможно. Сколько времени пройдет, пока Колян уснет, пока Вовка прокрадется в спальню старшеклассников, а потом назад. А уже светает. Да и Блинов может заметить. И зачем он пришел в такую рань? Хотя, да, для того чтобы заставить Гоблиныша очередную подставу сделать.

Вовка осторожно вышел из спальни, он на цыпочках, босиком, пошел по коридору. Гоблин, не оборачиваясь, прошел к своему кабинету, отпер дверь, постоял чуть-чуть, запер кабинет и... сунул ключ мимо кармана. Ключ беззвучно упал на коврик напротив двери, а Гоблин ушел.

Теперь Вовка знал, что он сделает. Он вернулся в спальню, отыскал в тумбочке полиэтиленовый пакет. Этот пакет он выпросил в столовой у повара тети Зины. Пакет нужен был совсем для другого дела, но теперь... Он одел пакет на руку, достал этой рукой деньги. Все, никаких его отпечатков пальцев там не будет.

Быстро дойдя до кабинета Гоблина, он поднял ключ, отпер дверь и осторожно вошел в кабинет. Пройдя внутрь кабинета, Вовка положил деньги в ящик письменного стола. После этого он запер кабинет, а ключ положил на коврик около двери туда, куда он упал. Пусть теперь Гоблин сам за все ответит.

Вообще, чувство было неприятное. Гоблин гад, конечно, но ведь не он украл деньги. Хотя, и Вовка не крал. Пусть теперь Блинов на себе испытает, как это, когда тебя обвиняют в том, чего не делал. Да и почему не делал? Делал, только чужими руками, так что пусть отвечает теперь. Быстро вернувшись в спальню, Вовка забрался в постель, улегся поудобнее и быстро заснул.

Снилась мама. Она будто с укором смотрела на него, молча, не говоря ни слова. Вовке казалось, что мама недовольна тем, что ее сын «сделал подставу». Вовка хотел рассказать, почему он это сделал, но не получалось, он не мог произнести ни звука. А мама молча приготовила обед. Молча поставила на стол, знаком показала, чтоб Вовка сел обедать. В общем, было тягостно и противно от содеянного.

Потом откуда-то появился отец. Вовка его увидел таким, как запомнил, каким он его на фотографии видел. Папа сказал маме:

– Не дуйся, Вова правильно поступил. Во-первых, Блинов и есть настоящий преступник, а во-вторых, когда все выяснится, Вова может рассказать все, как было.

Потом говорит Вовке:

– Ты молодец Вова, ты правильно поступил. Следователи тоже применяют такие приемы, чтобы преступник напугался, чтобы вывести преступника на чистую воду. Я тобой горжусь, сын. Ты же потом расскажешь следователю, как на самом деле было?

Вовка проснулся от шума в спальне.

Глава 8. Следователь

Проснулся Вовка оттого, что в спальне стоял шум. Открыв глаза, он увидел учителей во главе с Гоблином и Гоблиныша. У ребят постели были уже заправлены. Значит, Вовка проспал подъем.

– Да, я видел, как он деньги туда положил, – говорил Колян. – Он их прямо под матрас засунул вчера, когда из спальни сбежал.

– Что, проснулся?! – заорал на Вовку Гоблин. – Так вот зачем ты из спальни уходишь! Сделал пакость, так еще и спишь, как ангелок! Сразу видно, что совесть не мучает. А ну, доставай деньги!

– Какие деньги? – спросил Вовка, делая вид, что не понимает.

– Ах, ты еще спрашиваешь?! Что, хочешь сказать, что не ты их под матрас засунул?!

– Да что вы, Геннадий Олегович. Что ли, Вы забыли? Ту сумку, которую мне Коля подложил, вы еще вчера нашли.

Гоблиныш, услышав это, сразу съезжился и притих. На его вечно самодовольном лице появилось выражение испуга.

– Ну, ладно, тогда я сам! – заорал Гоблин. До него еще не дошел смысл сказанного. Вовка ведь дал понять, что знает, кто на самом деле украл деньги.

Подойдя к Вовкиной кровати, Блинов одним рывком сдернул с нее матрас вместе со всей постелью... – пакета с деньгами не было.

Гоблин и Колян обалдело смотрели на раскиданные по полу постель и матрас.

– Где деньги?! – Заорал Блинов то ли на Вовку, то ли на Коляна.

– Н...не зн...наю, Геннадий Олегович, – проговорил Гоблиныш растерянно, – я деньги ему под матрас засунул, как вы велели... ой!... то есть я видел, как он положил туда.

– Дур-р-ра-а-ак!!! – заорал Гоблин и врезал Коляну такую затрещину, что тот не устоял на ногах. – Ты думай, что говоришь! Где же они, если ты видел?!

Но было поздно. Все слышали, как проговорился Гоблиныш. Дошло еще, правда, не до всех, но не зря говорят, что слово не воробей... Так что осталось воспользоваться моментом, и Вовка воспользовался:

– А-а-а, вы, наверное, про те деньги, которые Колян украл у Антонины Александровны, – сказал он. – Колян, так ты же сам перед всеми хвалился, что Геннадий Олегович половину денег отдал тебе, а половину взял себе. Тебе, наверное, приснилось, что ты их мне подсунул.

– Не присни-и-ило-о-ось, – захныкал Гоблиныш, – я ночью сам...

– Что?! Как ты смеешь про меня такие вещи говорить?! – Заорал Гоблин, стараясь заглушить то, что говорил совсем растерявшийся Колян.

– А чего я такого говорю? – «удивился» Вовка. – Колян сам рассказывал, что Вы половину денег к себе в стол положили. Ну, в пакете, в котором еще записка была.

Гоблин бушевал, Колян стоял бледный, его била крупная дрожь. Учителя стояли молча, многие ничего еще не понимали, а учитель физкультуры Евгений Иванович сказал:

– Господа, Геннадий Олегович, что-то мне не нравится эта история. Да и Коля, по-моему, проговорился о чем-то очень и очень нехорошем. И выглядит он испуганным. Мне кажется, что неспроста это. Давайте-ка, пройдемте в ваш кабинет и убедимся, что в вашем письменном столе нет никакого пакета с деньгами. Вы ведь не возражаете? Вам, ведь, нечего скрывать?

– Как ты смеешь, физрук, выдвигать такие обвинения?! – бушевал Гоблин. – Да я тебя!.. Да я не знаю, что с тобой сделаю...

– Зато я знаю, что с вами сделаю, если то, о чем проговорился Коля, окажется правдой, – ответил ему Евгений Иванович. – А обвинений я никаких не выдвигаю. Я просто предлагаю пойти и опровергнуть то, что на вас наговаривают. Это, во-первых. А во-вторых, ничего вы мне

не сделаете. Вы еще не директор и, тем более, не господь бог. Ну, что, идемте в ваш кабинет? Или будем считать, что все сказанное Вовой, правда?

– Ну, ладно, физрук! Идем!

– Только идемте все, – сказал Евгений Иванович. – И ты, Вова, и Коля.

Блинов стоял перед открытым ящиком письменного стола, и его лицо становилось все белее и белее.

– Ну, что, Антонина Александровна, это Ваши деньги? – спросил Евгений Иванович.

– Мои, – дрожащим голосом ответила учительница. – Вот и пакетик с дырочкой на краю, и бумажечка, на которой я написала...

– Сколько там было денег?

– Восемнадцать тысяч пятьсот рублей, и еще вчерашняя зарплата три тысячи, то есть всего: двадцать одна тысяча пятьсот рублей. Я на ремонт домика копила и вот, половины нет.

– Гоблин, где остальные деньги? – спросил физрук тоном, не предвещающим ничего хорошего.

– Я откуда знаю? – огрызнулся Блинов.

А потом, повернувшись к Коляну, заорал:

– Это ты мне деньги подсунул, негодяй?!

– Нет, Геннадий Олегович, – дрожащим голосом пролепетал Колян, – я их Вовке под матрас сунул, как вы велели. Я не знаю как они у вас оказались.

– Зато я знаю, – сказал Вовка. – Теперь скажу, потому, что Колян все равно уже проговорился. Я заметил, как этот Гоблиныш подкрался ко мне ночью и засунул под матрас пакет с деньгами. А потом я через дверь подслушал, как он докладывал этому гаду, Гоблину, что все сделал.

– Но, но, поосторожнее с выражениями! Я пока еще заместитель директора! – заорал Гоблин.

– Уже нет, – услышали все голос Арсения Ильича. Он, видимо, давно стоял в дверях вместе с незнакомым мужчиной и все слышал. – Я от вас такого не ожидал, господин Бли... то есть Гоблин. Надо же, какого мерзавца я пригрел.

Блинов сразу сник. Арсений Ильич продолжал:

– Через час, господин Гоблин, подойдите ко мне в кабинет, чтобы поставить свою подпись в приказе о вашем увольнении по статье.

Потом, обращаясь к Вовке:

– А ты, Вова, прости меня. Знаешь, мне теперь очень неловко перед тобой. Это мне будет наглядным уроком.

Блинов, с обреченным видом направился к выходу, но его опередил Евгений Иванович:

– Стой, Гоблин! Помнишь, скотина, я обещал что-то тебе сделать, если узнаю о твоих делишках? Ну так вот, не обессудь.

С этими словами Евгений Иванович одним ударом отправил Гоблина в нокдаун. Гоблин рухнул на пол и схватился руками за разбитую в кровь физиономию.

– Ты ответишь за это, физрук! – дрожащим голосом закричал Блинов. – Я тебя засажу в тюрьму! Все видели?! Все свидетели?!

– Какие свидетели? Что видели? – спросил директор. – Я лично, видел, как вы споткнулись о ступеньку и упали лицом вниз. Разве не так, Антоника Александровна?.

– Да-да, конечно, так оно и было, – согласилась учительница.

– Да, мы все это видели, – поддержали другие учителя.

– Вот видите, Геннадий Олегович, – сказал директор, – все видели именно это. А еще все теперь знают, как на самом деле было с этой кражей. А еще, господин Гоблин, я привел следователя. Я думаю, мы сможем рассказать ему про это дело.

– Да я уже все слышал, – сказал мужчина, пришедший вместе с директором. – Можно не рассказывать. Потом, в суде расскажете. И как господин Блинов споткнулся, я видел.

Странно, Вовке лицо следователя показалось знакомым. Он почему-то был очень похож на одного сотрудника следственного отдела. Ну, который вместе с отцом работал. Он и на тех пропавших фотографиях был. «Хотя, с чего это я взял, что фотографии пропали? – вспомнил вдруг Вовка. – Куда они могли пропасть? Они дома, у родителей в шкатулке. Стоп, у каких родителей? Ну да, там они... Блин! Что это было?»

Что-то происходило с Вовкиной памятью. Казалось, что одни воспоминания – ненастоящие, меняются на другие – настоящие. Вовке казалось, что он только что проснулся от кошмарного сна, в котором он оставался совсем один.

Следователь, подойдя к сидящему на полу Блинову, произнес:

– Да, Геннадий Олегович, надо аккуратнее через порог переступать. А то вон ведь вы как. Это все от нервов, от нервов. Я понимаю, что вы нервничаете из-за того, что у вас не получилось с этой кражей и подставой? Не стоит так убиваться. Бывают и у мерзавцев в жизни обломы. Из-за этого совсем не стоит терять голову.

Гоблин совсем сник, а следователь обратился к Колян:

– Ну, что, Николай, ты сам вернешь деньги, или хочешь вот так же, «споткнуться»?

– Сейчас, сейчас, я принесу, я сейчас, – залезбил Гоблиненыш.

– Пошли, покажешь при свидетелях, куда ты их спрятал. А потом дашь показания.

– Да, да, конечно, идемте...

– И вы, гражданин Блинов, тоже дадите показания. Советую, правдивые, чтобы не усугублять свое положение.

Теперь Вовка окончательно узнал следователя. Да это был он, дядя Аркадий, тот, что вместе с отцом работает.

Дядя Аркадий подошел к Вовке и сказал ему:

– Вова, сегодня поедешь домой. Мама с папой только что вернулись из Канады. Расследование закончено. Мама просила передать, что она придет за тобой после обеда.

Вовка, еще плохо соображал что происходит. Может, это гипноз был, от которого он медленно отходил? Что-то продолжало меняться в памяти. Вовка будто очнулся от кошмарного сна. Ведь привидится же такое, что отца убили, и что мама умерла. Они же уезжали в командировку – в Канаду. Вот почему Вовка временно учился в интернате. Всего-то одну четверть.

Вспышка света, яркие круги перед глазами, стремительное перемещение. Снова старинная комната, заваленная средневековыми штучками. «Неужели снова этот кошмар?» – пронеслось в голове.

Глава 9. Брат.

Главный Хранитель сидел в старинном кресле. Кирилл рядом с ним просто сиял, будто от счастья. Вовка снова стоял посреди комнаты. Он еще не пришел в себя после стремительного перемещения в этот Мир.

Главный Хранитель долго молчал, а потом заговорил:

– Владимир, ты удивил меня. Я верил, что у тебя все получится, но я не думал, что тебе удастся изменить прошлое.

– Изменить прошлое?

– Да, именно так. Ведь теперь у тебя снова есть родители.

– Снова?! Разве это правда то, что их не было?! Это мне не приснилось?

– Нет, не приснилось. Тебе каким-то чудом удалось изменить события в прошлом. Поэтому твой отец не погиб и мама не умерла. Но меня восхитила твоя находчивость с теми деньгами, которые ты переложил в стол главного преступника.

– Но это же обман, это же нечестно!

– А он поступил честно, когда заставил Николая украсть и подложить тебе деньги? Понимаешь, Вова, против зла часто приходится действовать его же методами. Правильно сказал один из мудрых людей: добро должно быть с кулаками. И еще один мудрый человек, которого звали Алишер Навои, говорил об этом. Он говорил, что «если для достижения справедливости бессильны закон и добрая воля, то приходит время применить хитрость и силу». Был еще герой казахского народного эпоса, которого звали Алдар Хосе. Он тоже использовал обман против негодяев, чтобы восстановить справедливость. Можно привести еще много примеров, но и этого достаточно. Я хочу, чтобы ты это понял: против негодяев иногда приходится использовать их же оружие. Если этого не делать, то зло может погубить человечество. Ты понял это?

– Кажется, понял.

– И еще я признаюсь, что даже мне не удалось бы изменить прошлое. А ты сделал это, изменив ход событий в настоящем. Я бы не так сильно удивился этому, если бы ты был волшебником, как, например, Кирилл. Но ты сумел это сделать, сумел без волшебства.

– А разве Кирилл волшебник?

– Да, конечно, и очень могущественный. Как бы иначе он смог спасти тебя, когда ты упал с крыши? Я многому его научил, и он теперь во многом превзошел меня. Но не это важно, а важно другое. Важно то, что вокруг тебя много хороших людей. Например, твои товарищи или Антонина Александровна. А разве Евгений Иванович не встал на твою защиту? А Арсений Ильич? Ведь он, думая, что деньги украл ты, пытался помочь тебе и простить. Даже другим, совсем незнакомым людям, было бы очень больно узнать о твоей гибели. Так что всегда думай о последствиях своих поступков. Никогда попусту не подвергай свою жизнь опасности.

Главный Хранитель немного помолчал, задумавшись над чем-то, а потом сказал:

– Ну ладно, Вова, ты все сделал. Ты сослужил мне неоценимую службу. Теперь отправляйся домой.

– Подождите, Учитель! – крикнул Кирилл. – Вот, Вова, возьми это и прочитай, когда окажешься дома. – Он сунул Вовке сложенный вчетверо листок бумаги.

– Теперь все, – сказал Кирилл, – больше мы никогда не увидимся. Прощай, и помни меня, и я всегда буду помнить о тебе... – и Вовка проснулся.

В окно уже светило Солнце. С кухни доносился звон посуды. Мама собиралась готовить завтрак. Папа еще не вернулся. Он уходил на работу рано, а иногда не появлялся дома по нескольку дней – шло расследование очень трудного дела.

«Черт возьми! Приснится же такой ужас! – подумал Вовка. – Откуда только все это берется в голове: интернат, падение с крыши, смерть родителей, хранитель, Гоблин, Кирилл...»

При мысли о Кирилле у него защемило на душе, стало вдруг тяжело и тоскливо: «Как жаль, что все это только приснилось, что никакого Кирилла на самом деле нет...»

Вовка потянулся и встал. Что это?! У него в руке, как продолжение сна, был зажат сложенный вчетверо лист бумаги. Он развернул листок – на нем была нарисована его мама, а внизу написано:

«Вова, я не мог тебе сказать это у нас, в нашем Мире. Теперь можно. Это портрет твоей и моей мамы. Знай, что я твой старший брат. Теперь ты поймешь, почему я не хотел, чтобы ты узнал мою фамилию. Ты никогда не видел меня при жизни, потому, что я умер, когда ты еще не родился. Но я все равно люблю тебя как младшего брата. Я всегда буду твоим ангелом-хранителем. Я буду помогать тебе, когда тебе будет трудно. Ты никогда больше не увидишь меня, но будешь чувствовать, что я рядом. Прощай. Кирилл Муравкин».

– Так это правда! Это не сон! Это все было на самом деле! – закричал Вовка. – Кирилл! Я не хочу так! Я хочу, чтобы ты был с нами!

Мама вбежала в комнату и застала сына в слезах.

– Вова, что случилось?! – спросила она.

– Я хочу, чтобы Кирилл был с нами! Ведь это же несправедливо, что он умер в пять месяцев. Так же нельзя! Это же неправильно!

– Вовочка, ты откуда знаешь про Кирюшу? Кто тебе рассказал? Папа?

– Никакой не папа, мне Кирилл сам рассказал.

– Как это?! Что ты такое говоришь?

– Правду!

– Вова, успокойся. Что теперь поделаешь... Понимаешь, всякое бывает в жизни. Я сама хотела рассказать тебе о братике, хотела сходить с тобой на его могилку. Но раз ты уже как-то узнал об этом... Видишь ли, не всегда в жизни все благополучно. Случаются и трагедии. Вот и Кирюша заболел. Обычная простуда. Кто бы мог подумать, что все так кончится... и от простуды иногда умирают.

– Нет! Он не умер! Я заставлю этого Хранителя вернуть брата! Пусть даже мне придется сражаться с ним!

Вовка и сам не понял, как ему это удалось. Может, все дело в отчаянии? Он и сам не мог понять, как это у него вышло. Он сам смог совершить чудо. Он усилием воли перенесся в тот странный Мир, в котором живет его брат, где живет Главный Хранитель. Он возник перед Хранителем неожиданно. Хранитель был один.

– Владимир?! Ты как здесь оказался? – спросил старец с нескрываемым удивлением.

– Я пришел за братом! Отдай мне его! Если не отдашь, то я вызываю тебя на битву! Пусть ты сильнее, пусть это закончится моей смертью, но я не отступлю! Я буду биться насмерть.

Старик долго молчал, а потом сказал:

– Видишь ли, Вова, дело вовсе не в том, хочу я или нет отпустить Кирилла. Разве я держу его силой? Разве он раб? Просто, Законы Мироздания таковы, что не позволяют ему вернуться.

– Я против таких законов! Я изменю их!

– Эти законы изменить нельзя. Ты не думай, что я не хочу его отпустить, нет. У меня много учеников. Правда, Кирилл особенный – у него великий дар. Но я все равно не могу удерживать его силой – не имею права. Просто так устроен Мир, что Кириллу нельзя встречаться с теми, кто его знал в твоём Мире. Хотя... Кажется, я понял... Точно, я понял, как ты попал сюда. Да, Вова, в тебе великая сила – сила любви, сила добра. Может быть, я и смогу помочь тебе... и Кириллу. Я попробую... Ну, ладно, отправляйся домой, все будет хорошо. Я надеюсь, что у меня получится... Да, я уверен, что у нас с тобой все получится...

* * *

– Ты чего орешь, как сумасшедший? – спросила мама. – Куда твой Кирилл денется? Придет сейчас из магазина, и хоть весь день с ним шляйтесь. Лучше бы сам в магазин сходил, вместо того, чтобы дрыхнуть до десяти часов. И чего вам дома не сидится?

«Действительно, ерунда какая-то, – подумал Вовка. – Видно, только теперь проснулся по-настоящему. Мало того, что какой-то интернат приснился, так еще и привиделось, что брат умер».

В коридоре послышался звук отпираемой двери и шаги. Это вернулся со службы отец, а за ним и Кирилл с хозяйственной сумкой.

– Мам, можно мы с Вовкой пойдем, погуляем? – спросил Кирилл.

– Вы хоть поешьте сначала, опять ведь на целый день умогаете.

– Ладно, поедим, – ответил Кирилл.

– Вот ведь как. Можно подумать, что ты мне одолжение делаешь. Сегодня твоя любимая рисовая каша с сардельками.

Кирилл любил рисовую кашу с сардельками больше всего на свете. Сколько Вовка его помнил, он никогда не отказывал себе в удовольствии съесть две или три порции.

Но было что-то странное, Вовку не покидало ощущение того, что он прожил как будто две параллельные жизни. Он помнил, что брат всегда был с ними и, в тоже время, как будто не было никакого брата. Хотя, это, наверное, неприятный осадок от кошмарного сна. Он понимал, что все это лишь сон. Но, все равно, оставалось на душе что-то неприятное.

Позавтракав, братья побежали во двор. В коридоре Вовка увидел сложенный вчетверо листок бумаги – ну, прямо как во сне. Он хотел поднять, но Кирилл его опередил. Он схватил бумажку, скомкал ее и... она исчезла.

Вообще, Кирилл был неплохим фокусником. Он такое на школьном концерте показывал! Даже пришедший на концерт знаменитый фокусник не смог понять, как это у Кирилла получается. Кирилл потом прямо перед носом фокусника все повторил – фокусник все равно не понял. Например, такой фокус: матерчатая лента сначала медленно превратилась в деревянную палку, а потом – в цветущую розу. А еще, брат был художником, причем самым настоящим. Его картины не раз занимали первые места на выставках. Иногда его картины были даже на выставках настоящих художников. Те художники тоже восхищались его картинами. Они ему даже немножко завидовали.

Выйдя из подъезда, Вовка с братом отправились в парк. Еще вчера брат обещал научить его какому-то фокусу. Вот для этого они туда и шли. По пути им встретилась... Антонина Александровна. Она была с двумя девчонками-близняшками детсадовского возраста. Вовка остановился от неожиданности.

– Здравсте, Антонина Александровна... – произнес он растерянно.

Антонина Александровна с удивлением посмотрела на него и ответила:

– Здравствуй, мальчик. Что-то я тебя не припомню. Ты откуда меня знаешь?

– По интернату... наверно... – неуверенно ответил Вовка.

– Ты, что, учился у нас?

– Не знаю...

Кирилл дернул Вовку за рукав.

– Пошли! Не останавливайся! Я тебе потом все объясню, – сказал он, продолжая тянуть его за собой.

Вовка, часто оглядываясь, пошел следом за братом. Антонина Александровна долго еще продолжала смотреть им вслед.

По пути в парк стоит пивной ларек. Там всегда толпится местная пьянь. Около ларька Вовка увидел нищего, который выпрашивал у прохожих деньги. Что-то знакомое было в его облике. Приглядевшись, Вовка вскрикнул от неожиданности:

– Гоблин?!

Гоблин взглянул на Вовку и быстро пошел прочь, даже почти побежал, часто оглядываясь.

– Не понимаю, – прошептал Вовка, – это же был сон. Откуда они все?

– Это был не сон, – сказал Кирилл, – только никому об этом не рассказывай. Об этом помним только мы и Гоблин. Главный Хранитель специально оставил ему память о неизменном прошлом. Это чтобы его терзали воспоминания. Это кара за все его подлые поступки, которые он совершил в жизни. Он получил свое. А остальные ничего не помнят. Мы изменили прошлое, и все благодаря тебе. Ты искупил свою вину, поэтому Мир изменился и стал лучше.

– Так, значит, все это правда?! То, что ты умер, что убили папу, а мама потом умерла, а я падал с крыши... не может быть...

– Да, не может... вернее, это могло быть, но это в том, в неизменном прошлом. В нашем теперешнем прошлом этого не было.

– А как же теперь Гоблин, то есть Геннадий Олегович? Ведь ему теперь очень плохо, у него-то все изменилось не к лучшему, а совсем наоборот. Что ли он так и будет жить как нищий?

– Он сам виноват, он заслужил это, но все в его руках. Захочет стать человеком – станет. Не думай больше об этом. Пошли, я научу тебя проходить через грань между Мирами. А послезавтра мы побываем в моем городе, в Солнцеграде. Я ведь обещал ребятам, да и Учителю, что буду туда приходить. Пошли.

И они пошли в парк.

Часть 2

Спасем наш Мир

Глава 1. Гиблое место

Из дома Вовка и Кирилл вышли в десятом часу утра. Собирались выйти пораньше, но Вовка любил поспать. Ну и поспал. Брат успел и в магазин сходить за хлебом и молоком, и еще много дел сделать. Теперь надо было торопиться. Надо было успеть вернуться домой хотя бы к полднику.

А планы на этот день были не какие-нибудь пустяковые. Кирилл обещал Вовке научить его проходить через грань между Мирами – такие вот дела. Кирилл, правда, был уверен, что у брата это получится сразу. Ведь получилось уже однажды – непонятно как, но получилось. Да и Главный Хранитель Миров – учитель Кирилла – говорил, что у Вовки большие способности к магии.

А погода с утра заладилась. В солнечную погоду двор дома, в котором живут Муравкины, казался раем. Хотя, не только их двор. Вся их небольшая улочка просто утопала в зелени. На пустыре между их улицей и проспектом Гагарина был небольшой стадион. Ребята сами его соорудили. Ну, правда, и взрослые помогали. В общем, Вовка с удовольствием никуда не пошел бы, а остался бы тут. Он дождался бы, когда выйдут во двор друзья, и они все вместе пошли бы играть в футбол. Но надо было идти, раз уж собрались.

Они дошли до конца своей улочки, вышли на пустырь, заросший кустарником, крапивой и полынью, по узкой тропинке быстро вышли на проспект Гагарина. Перейдя на другую сторону проспекта, вошли через главные ворота в парк, и сразу окунулись в сказку. Именно в сказку, иначе этот парк и не назовешь.

Парк, который почему-то называется «парк Швейцария», раскинулся на высоком берегу реки Оки. Он огромный как лес. Вековые деревья; тропинки, сбегаящие по холмистым склонам к берегу Оки; живописный берег – все это создает ощущение сказочной таинственности. Да, все это так, но есть в этом парке место, таинственное уже по-настоящему. Вот туда, к обрыву, Кирилл и привел брата.

Люди редко там появляются. Многие вообще за версту это место обходят. Это и понятно, ведь слухи о «гиблом месте» ходят нехорошие, даже кошмарные. И это не только из-за того странного вечного тумана. Туман, конечно, штука непонятная, все это знают. Но дело не только в нем. Дело и не в приведениях, не в монстрах, о которых распускает слухи «информационное агентство ОБС» – «Одна бабка сказала». Дело совсем не в этом, точнее, не совсем в этом. Дело еще и в странном каменном сооружении.

То кольцо около обрыва обнаружили очень давно. Это было, когда только еще начинали строить Приокский район. Кольцо сложено из продолговатых белых камней. Оно лежит на уходящем в землю фундаменте. Сооружение это, в общем-то, неказистое. Кто и зачем его построил, тоже неизвестно. О том кольце никто бы ничего и не рассказывал, если бы не одно обстоятельство. В общем, дирекция парка, по совету дизайнеров, решила убрать те камни и обустроить эту часть парка. Вот тогда-то и поняли, что это кольцо заколдованное.

Да-да, именно заколдованное. Рабочие потратили уйму сил и времени, но не смогли сломать ни фундамент, ни само кольцо. Не удалось отколоть даже маленький кусочек от тех камней. Все инструменты, даже отбойный молоток, просто отскакивали от них. На камнях не оставалось даже царапин. Несколько раз пробовали снести камни бульдозером, тоже не получалось. Машины странным образом отказывались работать, а то и совсем ломались.

После неудачных попыток сломать это сооружение, его попытались просто засыпать землей. Тогда сверху можно было бы положить асфальт или разбить клумбу. Несколько дней рабочие таскали на носилках землю. Они сыпали и сыпали ее, но земли не прибавлялось. Куда пропадала насыпанная земля, никто так и не понял. В общем, дирекция парка от этой затеи отказалась, но по городу пошли слухи один чуднее другого.

Рядом с тем каменным кольцом, на самом краю обрыва, лежит бетонная плита. Ее зачем-то оставили тут строители. Зачем, никто уже не помнит. Плита давно вся искрошилась от времени и из нее во все стороны торчат прутья арматуры. Вот около той плиты и остановились Муравкины.

В общем, кроме каменного кольца и тумана ничего необычного там нет. Берег, как берег, ну, обрыв – и это все. Если бы только не те слухи. А вот из-за слухов Вовке было немного тревожно. Он спросил Кирилла:

– Кир, а чего мы сюда припилили?

– Чего-чего сделали? – усмехнулся Кирилл. – Припилили, говоришь? Это как?

– Ну пришли.

– А, ну это другое дело. А что тебе не нравится?

– Да ну, про это место такое рассказывают – жуть!

– А ты больше слушай бабушкины сказки. Бабульки тебе и не таких страшилок понарасказывают – только уши развешивай.

– А, что ли, не правду рассказывают?

– А то, правду... Байки это все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.